УДК 339.9

Виолетта АРХИПОВА

Андрей ПАНТЕЛЕЕВ

ЕАЭС И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КНР В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ

Статья поступила в редакцию 26.03.2020

Аннотация. Исследование посвящено прикладным вопросам сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайских инициатив по развитию национальной экономики и построению “Одного пояса, одного пути” (ОПОП). В статье проведен анализ основных документов, составляющих правовую основу сопряжения, внешних и внутренних рисков углубления сотрудничества ЕАЭС-КНР, перспектив и потенциальных эффектов его реализации. Авторы приходят к выводу, что сопряжение ЕАЭС и китайской экономики в качестве внешнего импульса для развития евразийского проекта позволит ускорить переход от этапа институционального строительства Евразийского экономического союза (“документальной” интеграции) к реализации внутреннего потенциала интеграционного объединения. Кроме того, она будет способствовать практическому воплощению идеи формирования Большого евразийского партнёрства (БЕП). В качестве основных направлений для синергии рассматриваемых проектов предложены отрасли пищевой промышленности и сельского хозяйства, оптимизация транспортно-логистических маршрутов, укрепление энергетической безопасности, “стыковочные” механизмы в валютно-финансовой сфере, развитие форматов межстранового диалога. Важная роль при этом отводится повышению эффективности координационных механизмов между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и КНР, гармонизации законодательства ЕАЭС и ликвидации взаимных торговых барьеров.

Ключевые слова: экономическое сопряжение, ЕАЭС, Китай, ОПОП, инвестиции, торговля, валютно-финансовая сфера, инфраструктура.

На современном этапе развития мировой экономики Китай демонстрирует значительные успехи, умело сочетая планирование и стратегию градуализма в проведении “реформ и открытости” с работой рыночных механизмов. В результате КНР удалось за 1994–2019 гг. повысить свою долю в мировом ВВП с 2 до 16% [WB, 2019], сделать юань одной из основных мировых валют и эффективно мобилизо-

© **Архипова Виолетта Валерьевна** – к.э.н., старший научный сотрудник Института экономики РАН. **Адрес:** 117218, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32. **E-mail:** q123zv@yandex.ru

© **Пантелеев Андрей Алексеевич** – к.э.н., начальник отдела стратегий экономической политики Департамента макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии. **Адрес:** 115114, Россия, Москва, ул. Летниковская, 2, стр. 1. **E-mail:** panteleev@eecommission.org

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3202096107>

вать ресурсы для противостояния глобальным внешним вызовам (на примере борьбы с коронавирусной инфекцией).

В 2013 г. Китай инициировал проект ОПОП, предусматривающий построение и развитие “Экономического пояса Шелкового пути” (ЭПШП) и “Морского Шелкового пути XXI в.”. Масштаб китайского мегапроекта уникален: предполагается создание трех трансевразийских экономических коридоров и двух морских маршрутов, охватывающих большую часть Евразии и соединяющих развитые и развивающиеся страны. Поддержку и готовность присоединиться к ОПОП выразили свыше 100 стран и международных организаций. Неудивительно, что участники ЕАЭС (Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия), с учётом исторического интеграционного опыта СНГ, ЕврАзЭС, “тройственного” таможенного союза и ЕЭП, осознали важность и активизировали взаимодействие с КНР.

Идея многоаспектной синергии ЕАЭС и китайских стратегических инициатив по развитию национальной экономики и ОПОП определяется участниками через глубокое философское понимание “сопряжения” как тесного соединения и “сочленения” процессов сотрудничества в целях роста благосостояния всех сторон.

Вопросам сопряжения и оценки взаимовлияния указанных инициатив и государств-участников посвящён широкий круг научных трудов. Среди них выделяются исследования, содержащие критический анализ общих и конкретных направлений межпроектного и странового развития, авторов из государств СНГ [Глинкина и др., 2018; Островский, 2017; Скриба, 2016; Сафронова, 2012, 2017: 27–63] и КНР [Лю Вэй, 2019], ряд коллективных российско-китайских работ с учётом международного интеграционного и реформаторского опыта [Рязанов и др., 2000; Глазьев и др., 2019].

Однако остаются проблемы отсутствия общепринятого определения “сопряжения”, наполнения его процессов и путей их реализации в условиях усиливающихся внешних глобальных (таких как нестабильность мировой экономики после острой фазы мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., санкции в отношении РФ, торговые войны, вынужденные ограничения и синофобия из-за распространения коронавируса) и внутрирегиональных (проблемы выбора направлений для углубления интеграции и выхода на проектное взаимодействие) вызовов для стран ЕАЭС и Китая. В настоящей работе предполагается комплексный анализ текущего состояния и рисков сопряжения ЕАЭС-КНР, выделение приоритетных направлений синергии и оценка перспектив их реализации.

Ключевые исторические события и документальная база сопряжения

Наиболее полное определение сопряжения сформулировано теоретиком и практиком евразийской интеграции С.Ю. Глазьевым. Это основанная на нормах международного права, уважения суверенитета, соблюдении интересов сотрудничества “*деятельность по интеграции посредством реализации совместных инвестиционных проектов, расширения взаимной торговли, соединения платёжных систем, стыковки транспортной, энергетической, информационной инфраструктуры, формирования общего рынка товаров и услуг путём гармонизации норм его регулирования, устранения трансграничных торговых барьеров и валютных ограничений, развития производственной и научно-технической кооперации, создания совместных производств, организации общих институтов и коридоров развития*” [Глазьев и др., 2019].

Идея синергии евразийского проекта и китайских стратегических инициатив обрела свою институциональную основу в 2015 г. с подписанием *Совместного заявления РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП*¹. Для достижения целей стороны договорились активизировать диалог и определили следующие приоритетные направления:

- расширение торгово-инвестиционного взаимодействия и кооперации в многосторонних форматах, оптимизация структуры торговли, реализация крупных совместных инвестиционных проектов;
- создание индустриальных парков и трансграничных зон экономического сотрудничества, механизмов для упрощения торговли и роста значимых для региональной экономики малых и средних предприятий;
- укрепление взаимосвязанности в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок;
- содействие использованию национальных валют во взаиморасчётах и углубление сотрудничества по линии финансовых институтов.

С этого момента ЕЭК – наднациональный регулирующий орган ЕАЭС – совместно с государствами-членами активизировали работу с Китаем по подготовке проекта *Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР*², которое было подписано в 2018 г. Данный документ носит *непреференциальный характер и не предполагает автоматического снижения барьеров*. Среди его важных (с точки зрения новых возможностей сопряжения) пунктов отмечаются:

- запуск новых форматов взаимодействия с выходом на реализацию совместных проектов (в сфере транспорта, энергетики, сельского хозяйства);
- выделение перспективных форм отраслевого сотрудничества (например, промышленная кооперация, технологии и инновации, информационная и коммуникационная инфраструктура, финансы и окружающая среда);
- определение адаптационного периода между принятием технического регламента или процедуры оценки соответствия и их вступлением в силу;
- обязательства сторон по предоставлению импортеру письменного объяснения причин задержания товаров на границе при выявлении несоответствия нормам/требованиям и по предоставлению документов, необходимых для регистрации объектов интеллектуальной собственности;
- создание механизмов, направленных на содействие взаимной торговле, и заблаговременной специальной нотификации о потенциальных ограничительных мерах, а также по борьбе с торговлей контрафактной продукцией;
- определение взаимодействия сторон в рамках Совместной комиссии под руководством двух сопредседателей (от ЕАЭС и КНР).

Соглашение *определяет рамки и ориентиры* для углубления сотрудничества, которые будут наполняться по мере разработки многосторонних документов и накопления практики их применения.

¹ Текст соглашения доступен на сайте Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 10.11.2019).

² См. онлайн-справочник таможенных документов. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0054/> (дата обращения: 15.02.2020).

В начальных редакциях нового документа *о стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.* в числе приоритетных задач международного сотрудничества рассматриваются углубление взаимодействия с Китаем и построение БЕП.

Проблемы регионального развития в контексте сопряжения

Согласно приведённому обзору литературы, существует обширное количество внутренних проблем как в рамках развития каждой из инициатив ЕАЭС и КНР, так и их сопряжения. Мы приведём результаты исследования наиболее значимых угроз и рисков синергии.

Ряд ключевых моментов, обозначенных в совместном заявлении РФ и Китая о сотрудничестве по сопряжению, не нашли отражения в Соглашении от 17 мая 2018 г. К таковым, в частности, относятся развитие логистической системы, поддержка взаимных расчётов в национальных валютах, поощрение предприятий малого и среднего предпринимательства, ориентированных на международное взаимодействие. Их отсутствие свидетельствует, что сотрудничество между КНР и ЕАЭС находится на *начальной стадии развития*. С другой стороны, это следствие *различий во взглядах* на содержание проекта ОПОП и эффекты от сопряжения [Глазьев, 2019].

Так, *Армения*, нацеленная на возрождение своего стратегического значения в новой истории Шёлкового пути, заинтересована в реализации транспортного коридора “Север–Юг”¹ и получении дополнительных инвестиций в обновление своей энергетической, транспортной и производственной инфраструктуры. *Белоруссия*, являясь сторонником многоуровневой и разноскоростной интеграции, стремится реализовать инфраструктурные проекты (например, создание цифровых транспортно-логистических коридоров по направлению “Запад–Восток”), укрепить свой инновационно-промышленный потенциал, продвинуть на китайский рынок свои высокотехнологичные услуги.

Реализация транзитного потенциала территории расценивается *Казахстаном* как один из важнейших эффектов синергии. Сопряжение рассматривается в контексте завершения и запуска транспортного коридора “Западный Китай – Западная Европа”, а также развития железнодорожной инфраструктуры. *Киргизия* рассчитывает на расширение сотрудничества и новые проекты с КНР в сфере обслуживания, сельского хозяйства, строительства инфраструктуры. Для неё Китай уже стал стратегическим торгово-инвестиционным партнёром в различных отраслях промышленности, включая перерабатывающую и горнодобывающую.

С точки зрения *России*, повестка сопряжения выходит за рамки транспортно-инфраструктурных проектов. Ожидается увеличение взаимной торговли и рост числа совместных производственных инициатив с привлечением китайских инвестиций. *Китай*, продвигая ОПОП, заинтересован в упрощении торговых процедур (за счёт развития электронных форматов обмена информацией), ускорении доставки своих товаров в страны Европы, выходе на новые рынки сбыта Ирана, Турции и стран Азии и обеспечении национальной энергетической безопасности.

¹ Здесь и далее по странам: ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> (дата обращения: 10.11.2019).

Для эффективного запуска и реализации сопряжения ЕАЭС с КНР и ОПОП требуется согласование интересов всех участников.

При выработке планов сотрудничества вопрос прогнозирования, создания и оценки потенциальных эффектов представляется одним из самых дискуссионных. Для Китая, как одного из глобальных лидеров, сопряжение с меньшими по размеру экономиками ЕАЭС, на первый взгляд, может не привести к ощутимым результатам.

Напротив, страны Евразийского экономического союза рассчитывают на существенный прогресс, исходя из сложившихся экономических отношений. Для них КНР является одним из ключевых торговых партнёров: для России и Кыргызстана – на первом месте по объёму торговли, для Армении – на втором (после РФ), для Белоруссии и Казахстана – на третьем (после России и Украины/Италии, соответственно). В 2018 г. общий товарооборот КНР с ЕАЭС составил около 126 млрд долл. Доля Китая в экспорте/импорте заметно растет, в 2018 г. его удельный вес в общем объёме внешней торговли ЕАЭС максимален по странам мира – около 17%. *Однако ЕАЭС не является для Китая стратегически важным торговым партнёром* (например, товарооборот со странами АСЕАН в 2018 г. достиг 590 млрд долл., ИТС, 2019).

Вклад государств-членов в товарооборот ЕАЭС-КНР неравномерен: Россия обеспечивает его на 84%. В товарной структуре экспорта доминируют товары низких переделов: 70% поставок покрывается минеральным топливом. Импорт из Китая более диверсифицирован (рис. 1).

Рисунок 1.

Источник: ИТС, 2019.

Возможности экспорта в КНР товаров с высокой и средней добавленной стоимостью сдерживают различные факторы. Так, экспорт пищевой продукции из ЕАЭС преимущественно ограничивается административными причинами. Экспортерам проще поставлять в Китай промышленные товары, чем сельскохозяйственные вследствие сложности и длительности бюрократических процедур и переговорного процесса. Предприятие, которое намерено экспортировать продукцию с/х в КНР, должно пройти регистрацию в государственном реестре, перед которой пода-

ется запрос о предоставлении китайской стороне результатов оценки фитосанитарных рисков. Получение разрешения на ввоз товара, включая дополнительную проверку заявителя, занимает не менее года.

Различия в фитосанитарных требованиях часто становятся непреодолимым препятствием для поставщика, несмотря на отсутствие формальных запретов. Пример последствий – резкое сокращение поставок меда из России в Китай: за 2015–2018 гг. объем экспорта снизился на 58,7%¹. Ужесточение проверок КНР в отношении предельной нормы содержания в меде запрещенных веществ отразилось на активности российских производителей.

Одним из основных административно-правовых препятствий для увеличения грузооборота между Китаем, странами ЕАЭС и ЕС являются различия в системе транспортного права. Во многих европейских странах его регулирует Договор о международном железнодорожном транспорте. Страны СНГ, Балтии, Албания, Иран, КНР, КНДР, Вьетнам, Монголия, Венгрия и Словакия руководствуются Договором о международном грузовом сообщении. Так, на фоне технических препятствий (например, неразвитости транспортной инфраструктуры в ряде стран, через которые прокладываются коридоры) усиливается потребность в правовых “стыковочных” механизмах.

Рисунок 2.

Потоки прямых инвестиций в ЕАЭС (млн долл.)

Источник: ЕЭК, 2019б.

Особую роль для сопряжения играет сотрудничество в валютно-финансовой сфере, обслуживающей все ключевые экономические процессы. Приоритетом здесь является использование национальных валют, сдерживающим фактором которого оказывается их низкая ликвидность и риск сильной курсовой изменчивости. В структуре взаимных расчетов ЕАЭС заметную долю занимают доллар США и евро (на них приходится до 26%: ЕАБР, 2018: 6).

¹ China Logist. URL: <https://chinalogist.ru/articles/eksport-v-kitay-cto-mozhno-cto-slozhno-13099> (дата обращения: 10.11.2019).

Отмечается слабая и односторонняя инвестиционная активность Китая в ЕАЭС – КНР не входит даже в топ-15 инвесторов, хотя потенциал для сотрудничества внушительен [ЕЭК, 2019а, рис. 2]. Основной поток китайских инвестиций направляется в сырьевой сектор экономик ЕАЭС.

Перспективы сопряжения ЕАЭС и китайских стратегических инициатив

Проанализируем потенциал сопряжения ЕАЭС и китайской экономики как ядра и двигателя стратегических инициатив Пекина. Исходя из структуры взаимной торговли, возникает вопрос о возможностях диверсификации экспорта из ЕАЭС в КНР и ухода от концентрации на узкой товарной линейке. Такие возможности существуют, положительный торговый эффект могут обеспечить пищевая промышленность и сельское хозяйство отрасли, представляющие интерес для Китая.

Прежде всего, это обусловлено особенностями китайского спроса и предложения. По мере адаптации китайских потребителей к “европейскому рациону”, спрос на импортную пищевую продукцию возрастает, а местные производители зачастую неспособны его удовлетворить. Согласно опросу, свыше 70% китайских респондентов предпочитают детское питание исключительно иностранного производства¹. Некоторые производители из ЕАЭС уже завоевали популярность. Например, китайские потребители высоко ценят качество белорусских молочных продуктов. За 2016–2018 гг. экспорт молока и сливок из этой страны в КНР, благодаря достигнутому договорённости, увеличился с 1 млн до 58,4 млн долл. В результате открытия масложирового рынка Китая, заметно возросли объёмы отгрузки масличных агрокультур, преимущественно соевых бобов (рост за 2016–2018 гг. в 2,1 раза), семян рапса и рапсового масла (почти в 5 раз). Традиционно велики поставки из ЕАЭС замороженной рыбы и ракообразных, пшеницы и подсолнечного масла [Сикорский, 2017; ИТС, 2019].

Имеется опыт успешной адаптации производителей ЕАЭС к предпочтениям китайских потребителей. Так, интерес к российскому мороженому и конфетам фабрики “Зея” был обеспечен путём корректировки состава продукции: снижения содержания сахара, замены молочного жира, добавления витаминов и кальция². При устранении торговых барьеров продукция производителей ЕАЭС выдерживает международную конкуренцию. Дальнейшая институционализация отношений позволит оказать адресную поддержку бизнесу.

На фоне внешних вызовов КНР испытывает дефицит предложения, который мог бы быть восполнен продукцией из Евразийского экономического союза. Доступ на китайский рынок только российской говядины и свинины позволил бы увеличить ввоз и обеспечить порядка 18% общей потребности Китая в данном продукте [ИТС, 2019]. Однако из-за вспышек африканской свиной чумы и ящура поставки этих видов мяса из России в КНР находятся под запретом. Крупным экспортёром свинины в Китай являются США (12,3% импорта в 2018 г.), в отношении которых

¹ Nielsen. URL: <https://www.nielsen.com/cn/zh/insights/news/2016/the-global-battleground-for-consumer-goods-90-percent-of-chinese-consumers-say-brand-origin-is-one-of-the-most-important-purchase-drivers.html> (дата обращения: 05.03.2019).

² РБК. URL: https://www.rbc.ru/own_business/30/10/2017/59f340069a794759a2fe9808 (дата обращения: 10.11.2019); China Logist. URL: <https://chinalogist.ru/articles/shokoladnye-koroliki-v-kitae-ili-samy-sladkiy-eksport-14980> (дата обращения: 10.11.2019).

2018 г. были введены дополнительные пошлины в размере 35%. Эти события могли бы повысить роль ЕАЭС на китайском рынке.

Экспортёрами из США, уплачивающими импортную пошлину в размере 33%, обеспечивается 18% импорта сои в Китай. В то время как для ЕАЭС пошлина составляет только 3%. Страны ЕАЭС покрывают менее 1% импорта КНР, несмотря на рост экспорта сои в Китай в 2016–2018 гг. на 108%. Учитывая обеспеченность гарантированным китайским спросом дополнительного производства сои, очевидна целесообразность наращивания площадей засева.

ЕАЭС следует более оперативно отслеживать информацию и проводить переговоры с КНР. В то время как прогресс в части торговли свининой и соей не был достигнут, в ноябре 2019 г. Китай объявил об отмене дополнительных пошлин на американскую продукцию, нивелировав потенциальное преимущество ЕАЭС.

Диверсификация поставщиков энергоресурсов из Евразийского экономического союза является для КНР гарантией национальной энергетической безопасности. Китай импортирует половину необходимого ему объёма сырой нефти, существенная доля которого доставляется из стран Ближнего Востока по морю, и существует угроза стабильности перевозок из региона с повышенной геополитической напряжённостью. КНР требуется эффективная диверсификация импорта энергоресурсов. Потенциал формирования устойчивого спроса-предложения будет зависеть также от запуска единых рынков нефти, газа, нефтепродуктов и электроэнергии в рамках ЕАЭС. Тем самым Китай может укрепить энергетическую безопасность, а Евразийский экономический союз – ослабить зависимость от мировой конъюнктуры цен на ресурсы и диверсифицировать экспортные поставки.

Ожидаемый эффект от сопряжения – дополнительный приток китайских инвестиций в ЕАЭС. На фоне развития антироссийского санкционного режима на дополнительное финансирование могут претендовать транспортно-логистический комплекс и сектора, в которых традиционно присутствуют европейские и американские инвесторы: потребительская сфера, общепит, продуктовые сети, сотовая и интернет-связь [Кузнецов, 2017].

Крайне важны эффекты от оптимизации транспортно-логистических маршрутов доставки китайских товаров на рынки ЕС через территорию ЕАЭС, способные служить прочной основой сопряжения в контексте ОПОП. Перспективность транзитной составляющей сотрудничества определяется увеличением объёмов и сокращением времени перевозок. Уже создана рабочая группа по значимым интеграционным проектам в сфере транспорта и инфраструктуры и определён их перечень для сопряжения ЕАЭС с международными инициативами (Распоряжение №75 от 24.04.2018 и Рекомендация №33 от 14.10.2019 Коллегии ЕЭК). Многие проекты уже запускаются, однако большинство требует инвестиционных вложений и согласований (например, строительство высокоскоростного грузопассажирского коридора “Евразия”).

Для активизации сопряжения в валютно-финансовой сфере рассматриваются следующие варианты:

1. Развитие совместной альтернативной финансовой инфраструктуры, включающей многосторонние финансовые институты в рамках БРИКС (Новый банк развития), ШОС (Межбанковское объединение, проект Банка развития и Международного центра проектного финансирования) и ЕАБР. Их задача – финансирование инфраструктурных проектов и устойчивого развития БРИКС и помощь в

реформировании мировой валютно-финансовой системы (МВФС) с учётом интересов развивающихся стран.

2. *Формирование общей платёжной системы стран ЕАЭС и Китая для снижения уровня зависимости от западных аналогов в условиях нестабильности нынешней американоцентричной МВФС, санкций и торговых войн.* На уровне государств-членов началась интеграция платёжных систем центральных банков ЕАЭС и создание единого платёжного пространства на основе технологии блокчейн. Развивается сотрудничество в двустороннем формате: с 2017 г. стало возможным обслуживание платёжных карт “АрКа” в России и российских “Мир” в Армении. Подписана “дорожная карта” по интеграции национальной системы Кыргызстана “Элкарт” с “Мир”. В рамках системы передачи финансовых сообщений ЦБ РФ обеспечено предоставление услуг иностранным участникам. Целесообразна оценка предложений и потенциала формирования общего платёжного пространства ЕАЭС-КНР с учётом имеющихся китайских разработок и требований национальной безопасности стран ЕАЭС.

3. *Проведение совместного институционального эксперимента по использованию криптовалют с оценкой результатов.* Криптовалюты (например, стейблкоины, “привязанные” к цене золота или корзине валют) могут стать одним из инструментов для снижения зависимости от доллара США и евро. Сотрудничество в сфере криптовалют и блокчейн требует легитимного правового поля. Ситуация с национальным законодательством стран ЕАЭС и КНР в этой сфере неоднородна. С 2013 г. китайским финансовым компаниям запрещены операции с виртуальной валютой биткоин, публикация котировок и страхование соответствующих финансовых продуктов, с 2017 г. – первичное размещение токенов. Вместе с тем Народным банком Китая ведётся работа по созданию национальной цифровой валюты, проведено тестирование её прототипа, а поддержка технологии блокчейн включена в 13-ю пятилетку.

В рамках ЕАЭС ещё не выработан согласованный подход к трактовке и регулированию криптовалют и технологии блокчейн. Соответствующая правовая база введена только в Беларуси: регламентированы права юридических и физических лиц, определён основной институт развития – Парк высоких технологий. В России в 2018 г. только запущена “регулятивная песочница” на площадке ЦБ.

Существует ниша для развития финансовых продуктов: доля населения, не имеющего доступ к финансовым услугам в 2018 г., оказалась около 20% для РФ, КНР и Казахстана и порядка 40% – в Армении и Киргизии [WB, 2019].

Доля банков под иностранным контролем в общем количестве банковских посредников по странам ЕАЭС составила свыше 40% (для РФ и КНР этот показатель в среднем не превышает 20%, рис. 3). Насчитывается более 30 их представительств за рубежом на 2018 г., из которых около 65% приходится на РФ. Порядка 40% отделений банков России на начало 2010-х гг. было открыто в государствах СНГ, т.е. в странах с финансовыми системами, близкими по уровню развития к российской [Абалкина, 2016: 8]. Учитывая, что в РФ и КНР сложились преимущественно банковские модели (свыше 80% активов финансового сектора – банковские), структура и принципы их функционирования понятны партнёрам, и существует потенциал для сопряжения в финансовой сфере.

Синергия евразийского проекта и китайских инициатив является логичным шагом в направлении формирования БЕП. Речь идёт об укреплении и систематизации финансово-экономического взаимодействия, создании сети интеграционных транс-

континентальных проектов и региональных объединений нового типа, действующих с максимальной степенью координации.

Рисунок 3.

Источник: ЕЭК, 2019а.

Заключение

Процесс сопряжения ЕАЭС с КНР и ОПОП, который начался в 2010-х гг., подразумевает многосферную и широкоформатную деятельность по интеграции стратегических инициатив. Его основными двигателями выступают страны локального ядра (Россия и Китай), которые действуют на основании национальных интересов и интеграционных приоритетов при соблюдении норм международного права.

Анализ глобальных и региональных рисков сопряжения показал, что первые (нестабильность и повышенный уровень кризисности американоцентричной МВФС, санкционные режимы и торговые войны, угрозы национальной энергетической безопасности) могут по-разному влиять на сотрудничество: с одной стороны, способствовать усилению процессов региональной интеграции, росту сплоченности стран и созданию многополярного мира; с другой стороны – замедлять формирование новых каналов сопряжения и реализацию совместных проектов за счёт отвлечения ресурсов на борьбу с последствиями. Вторая группа рисков, включающая расхождение интересов стран-участниц, односторонность структуры взаимной торговли, бюрократические сложности и ограничения, валютные и инвестиционные проблемы, действуют в негативном ключе, нивелируя положительные эффекты.

С учётом выявленных вызовов на стартовом этапе сопряжения предлагается:

1. Настройка институционального взаимодействия между наднациональными и национальными регулирующими органами ЕАЭС и КНР;
2. Создание нормативно-правовой основы сопряжения, предполагающей гармонизацию законодательной базы стран и завершение формирования общих рынков ЕАЭС;
3. Ликвидация барьеров во взаимной торговле, предусматривающая гибкий механизм выявления и предупреждения новых угроз;
4. Поддержка экспортных отраслей ЕАЭС, обладающих конкурентными

преимуществами на китайском рынке (особенно пищевой промышленности и сельского хозяйства);

5. Ускоренная реализация национальных и интеграционных проектов в транспортно-логистической сфере;

6. Диверсификация и рост экспортных поставок углеводородных ресурсов в Китай для укрепления безопасности макрорегиона;

7. Обеспечение безопасности осуществления взаимных расчётов путём использования национальных валют и создания платёжных и расчётных инструментов на базе технологий распределённых реестров.

Список литературы

Абалкина А.А. (2016). Экспансия российских банков за рубеж: эмпирический анализ. Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Глазьев С.Ю. (2019). Большое евразийское партнёрство: создавая новый мир // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, № 1, с. 18–20.

Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Ван Вэнь, Ян Цинцин, Джон Росс, Гуань Чжаоюй, Чжан Тинтин (2019). Вопросы и состояния процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы “Один пояс — один путь” в представлениях Китая и России // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, № 3(29), с. 13–30.

Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. (2018). Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Институт экономики РАН, Москва, Россия.

ЕАБР (2018). Национальные валюты во взаиморасчётах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. Доклад №48.

ЕЭК (2019а). Потоки и запасы прямых инвестиций по странам мира. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.11.2019).

ЕЭК (2019б). Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 год по оперативным данным. Статистический бюллетень.

Кузнецов А.В. (2017). Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС // *Контуры глобальных трансформаций*, Т. 10, № 5, с. 15–29.

Лю Вэй (ред.) (2019). История инициативы “Один Пояс, Один Путь” за прошедшие пять лет. RDCY Think Tank Series. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, CIPG.

Островский А.В. (2017). Перспективы сопряжения проектов Экономического пояса Шёлкового пути и Евразийского экономического союза // *Вестник РАН*, № 11, с. 974–985.

Рязанов В.Т., Широкопад Л.Д., Чэнь Энфун, Ли Синь (ред.) (2000). Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских экономистов. Изд-во С.-Петерб. ун-та, Санкт-Петербург, Россия.

Сафронова Е.И. (ред.) (2012, 2017). Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII / Отв. ред. Е.И. Сафронова. ИДВ РАН, Москва, Россия.

Сикорский В. (2017). Молочный экспорт — на пике / Белорусы и рынок. URL: <http://www.belmarket.by/molochnyy-eksport-na-pike> (дата обращения: 10.11.2019).

Скриба А.С. (2016). Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути: интересы участников и вызовы реализации // *Вестник международных организаций*, Т. 11, № 3, с. 67–81.

References

Abalkina A.A. (2016). *Expansion of Russian banks abroad: an empirical analysis*. Institute of Economics, RAS, Moscow, Russia.

Glaziev S.Y. (2019). A Great Eurasian Partnership: Building a New World. *Evrasijskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, No. 1.

Glaziev S.Yu., Arkhipova V.V., Ageev A.I., Ershov M.V., Mitjajev D.A., Nagorny A.A., Wang Wen, Yang Qingqing, John Ross, Guan Zhaoyu, Zhang Tingting. (2019). Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the “Belt and Road” Initiative between China and

Russia. *Evrasijskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. No. 3(29).

Glinkina S.P., Kulikova N.V., Turaeva M.O., Golubkin A.V., Yakovlev A.A. (2018). *The Chinese factor in the development of the Russian neighborhood zone countries: lessons for Russia*. Institute of Economics, RAS, Moscow, Russia.

EABR (2018). National currencies in mutual settlements in the EEU framework: obstacles and prospects. Report No. 48.

EEC (2019a). Direct investment flows and stocks by country, available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Pages/default.aspx (accessed: 10.11.2019).

EEC (2019b). Direct investment in the Eurasian economic union. 2018 according to operational data. Statistical bulletin.

Kuznetsov A.V. (2017). Limits of Interaction of Russian and Chinese Business in the Countries of Eurasian Economic Union. *Outlines of Global Transformations*, Vol. 10, No 5.

Liu Wei (eds.) (2019). *History of the "Belt and Road" initiative over the past five years*. RDCY Think Tank Series. Beijing: Foreign Languages Press, CIPG.

Ostrovsky A.V. (2017). The prospects of linking the projects of the Silk Belt and the Silk Road and of the Eurasian Economic Union. *Vestnik RAN*, No. 11.

Ryazanov V.T., Shirokorad L.D., Chen Enfu, Li Xing. (eds.) (2000). *Economic reforms in Russia and China in the views of Russian and Chinese economists*. Izd. S.-Peterb. un-ta, St. Petersburg, Russia.

Safronova E.I. (eds.) (2012, 2017). *China in world and regional politics. History and modernity*. Is. XXII: an annual publication. IDV RAN, Moscow, Russia.

Sikorsky V. Dairy exports are at their peak. *Belorusi i ryinok*, available at: <http://www.belmarket.by/molochnyy-eksport-na-pike> (accessed: 10.11.2019).

Skriba A. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Players, Interests and Implementation Challenges. *Vestnik mezhdunarodnikh organizatsij*, Is. 11, No. 3.

International trade center, ITC (2019), available at: <https://trademap.org/> (accessed: 10.11.2019).

World Bank, WB (2019). *World Development Indicators*, available at: <http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> (accessed: 10.11.2019).

The EAEU and Chinese Strategic Initiatives in the Context of Russian Realities

Received 26.03.2020

Authors: Arkhipova V., Candidate of Sciences (Economy), Senior Researcher of Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. **Address:** 32, Nakhimovskiy pr-t, Moscow, Russia, 117218. **E-mail:** q123zv@yandex.ru

Pantelev A., Candidate of Sciences (Economy), Head of Economy Policy Strategies section, Macroeconomic Policy Department, Eurasian Economic Commission. **Address:** 2/1, Letnikovskaya St., Moscow, Russia, 115114. **E-mail:** pantelev@eecommission.org

Abstract. The paper explores the conjugation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and Chinese initiatives of national economic development and "Belt and Road" (BRI) construction. The authors analyze the main documents, which form the legal basis of the conjugation process, external and internal risks and challenges of deepening EAEU-China cooperation, its prospects and potential effects. The authors conclude that the conjugation between the EAEU and the Chinese economy as the core and engine of BRI serving as an external impetus for the development of the Eurasian project will allow to speed up the transition from institutional construction of the EAEU ("document" integration) to realization of the internal integration potential. At the same time, it can contribute to the practical implementation of the Big Eurasian Partnership idea. The main directions for synergy of the evaluated initiatives are the food industry and agriculture, optimization of transport and logistics routes, strengthening of energy security, "connecting" mechanisms in the monetary and financial sphere and the development of formats for inter-country dialogue. An important role is assigned to improving the effectiveness of coordination mechanisms between the Eurasian Economic Commission and China, the EAEU legislative framework harmonization and eliminating mutual trade barriers.

Key words: economic conjugation, EAEU, China, BRI, investment, trade, currency and finance, infrastructure.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3202096107>